

УДК 746

**ТВОРЧЕСТВО В.М. ЗАЙЦЕВА И РУССКИЙ МОДЕРН:
СОВПАДЕНИЯ ИДЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ***Н.Г. МИЗОЛОВА***(Ивановская государственная текстильная академия)**

В истории русского искусства модерн занимает особое место. Пожалуй, не было в русском искусстве стиля, так органично соединившего идеи свободы и красоты, принципы народного искусства и интерес к искусству, истории и культурам других народов. Никогда художники не были окружены таким вниманием. И никогда русское искусство не знало такого триумфального международного признания.

Известно, что через 100 лет все, созданное в искусстве, потомкам кажется прекрасным. Сегодня на примере модерна эта истина подтверждается: модерн любим, моден и привлекает множество художников в мир своих образов. Он активно используется в интерьере, дизайне и рекламе, его архитектурными цитатами и ремиксами заполнены сегодняшние российские города. Однако термин "используется", к сожалению, в данном случае применен точно. Модерн чаще всего именно "используется". Цитируются его иконография, линии, детали, цветовые решения и приемы, созданные художниками, ставшими популярными в период расцвета стиля и сохранившими свою популярность сегодня. Термины "используется" и "популярные" в этом смысле являются знаковыми.

Нынешнее общество, по сравнению с обществом серебряного века, еще дальше сместилось в сторону прагматизма. Дуализм, родившийся в искусстве модерна, вместе с прагматизмом, прочно обосновался в искусстве наших дней.

Многие авторы, изучавшие принципы модерна, отмечают, что большинство его лучших художников были романтиками и утопистами, наделявшими "...искусство необычайно широкими полномочиями...", видели в нем "...панацею от всех бед..." [1]. Но утопическая идея глобальной роли художественного творчества имела и обратную сторону: обращение к широкой публике обернулось проблемами массовой культуры. "В модерне уникальное и массовое не совпадали, в результате чего индивидуальное сразу же становилось достоянием всеобщего. Контакт с широким потребителем того времени обязательно чреват "прелестями" мещанского вкуса" [2].

Ориентация на массовый стиль и сомнение в осуществлении утопий заставляли художников модерна иронично относиться к жизни и творчеству. Это обстоятельство стало причиной появления в качестве творческого метода самоиронии и гротеска, ставших типичными чертами стиля. "Соревнование открывателя и потребителя, которое характерно для модерна, как бы начинает проблематику массовой культуры, ставшей одной из главных проблем искусства XX века" [2].

Сегодня образы и цитаты модерна редко используются для продолжения и развития его креативной сущности. Воспроизводя стилистические частности стиля, цитируя и компилируя его линии или сюжеты, дизайнеры стремятся не развивать, а консервировать стиль, приближая объекты, скорее, к муляжу или антикварному

аналогу, а не к живому арт-объекту. Причина такого подхода понятна. Сегодняшний художник работает в обстановке бушующего рынка во всех его ипостасях. Некогда входить в многомерный и индивидуальный мир искусства модерна.

Но существует круг интеллектуалов, у которых ностальгия по утопиям и эстетизму модерна держится на глубоком уважении к открытым им формулам красоты. Интерес к русскому модерну усиливается еще и потому, что он не успел окончательно осмыслить себя, растаяв в смуте революций, хотя можно спорить с этим утверждением, говоря о его переходах в ар деко, конструктивизм и т.д.

Можно найти отблески модерна в творчестве многих сегодняшних русских и западных художников, особенно связанных с прикладным искусством и дизайном. Но, пожалуй, никто не сумел так достойно и убедительно развивать принципы этого искусства в своем творчестве, как российский модельер В. Зайцев. (рис. 1 – параллели с модерном – рис. В.М. Зайцева).

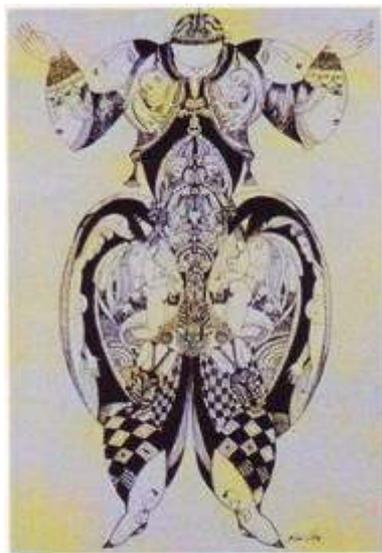

Рис. 1

Совпадение творческого почерка В. Зайцева с принципами модерна естественно. Особенности творческого пути этого художника сложились так, что он практически повторил историю его развития. В. Зайцев и модерн совпадают. Даже в те годы, когда об этом стиле почти не вспоминали, когда далеко не все специалисты

считали его стилем вообще, в творчестве молодого художника уже присутствовали черты модерна.

Образ Незнакомки

Образ блоковской Незнакомки, где "...шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука...", постоянно повторяется у В. Зайцева, начиная с его первых шагов в профессии. Он постоянно стремился вернуть женщине ту женственность, какой ее понимала образованная и просвещенная Россия XIX века. Во времена, когда модельеры, особенно советские, забыли о перчатках, чулках и колготках, он о них помнил. Женщины В. Зайцева всегда романтичны. Медленно идя по подиуму, они (если это только не фольклорная или молодежная тема) безупречны и загадочны, лицо окутано тенью шляпы или тонет в цветах. Их прообраз – почти всегда Прекрасная Дама.

Линия и пропорции. Живая связь всего земного.

Одним из основных принципов модерна является формула "искусство ради красоты". Ни рынок, ни политические соображения так не влияли на творчество его знаковых художников, как добровольно принятый ими обет служения красоте. Их интересовали неисследованные темы и проблемы жизни и искусства. Они повернулись лицом к этнографии и глубинам человеческих страстей. Они одухотворили природу и вернули в нее человека как ее естественную составляющую. Они создали и довели до совершенства новые, чуть уходящие от природы пропорции. Служа красоте, создали совершенно новую, знаковую, ни на какую другую не похожую, линию модерна.

Интерес к тем же проблемам и аналогичные способы их решения обнаруживаются при анализе творчества В. Зайцева. В его моделях всегда присутствуют идеальные пропорции и чистая, узнаваемая линия. Она повторяется в безупречных очертаниях силуэта, в тонкой и чистой линии плеч, пройм и окатов рукавов, в безупречных формах юбок, линиях низа, срезов воротников, точнейших ритмах и игре складок, орнаментах вышивок и аппликаций –

словом, повсюду. Органично связанный с шейей воротник создает то самое, присущее искусству модерна, соединение разных материй и сущностей. Шея "вырастает" из воротника как живой побег из живой природной формы. Типичное для модерна соединение растений и зверей, цветов и женщин, переход одного существа в другое присутствуют в моделях В. Зайцева. Как в плакатах А. Мухи женское лицо выплывает из цветов, сливаясь с ними, так и в моделях В. Зайцева лица женщин часто окружают цветы, а порой и формы их одежды повторяют то бутоны, то экзотические цветы.

Романтизм

Романтизм, присущий модерну, уход из реальной жизни, доведенный позднее Марком Шагалом до полета влюбленных, у В. Зайцева появляется уже на стадии эскиза. Его почти оторванные от земли фигурки невесомы. Такой эффект создает авторская манера изображения ног, создающая ощущение начала полета, отрыва от земли; изящные дамские ножки на высоких каблуках не стоят на земле, а мягко "свисают" с фигуры, чуть отстав от нее. Все остальное в эскизах – реально. Четко обозначен силуэт и пропорции, ясны принципы образования формы, конкретна схема решения головного убора или прически, обозначены акценты и даже рисунок ткани. Но легкие, оттолкнувшиеся от земли ножки, смешивая реальность и фантазию, дают ощущение хрупкой женственности (рис. 2 – рисунки В.М. Зайцева 80-х годов: "Полет").

Рис. 2

Цвет

Цвет русского модерна может быть изысканно сложным, серебристо-пепельным или, напротив, напряженно декоративным и ярким. Цветовые решения В. Зайцева соответствуют обоим принципам. Он легко переходит от сложной нюансной или, напротив, контрастной графики к открытым, новым, звенящим и мощным цветам. Художник обращается с цветом не просто смело, а азартно, создавая ощущение праздника и упоения цветом. Это качество появилось у В. Зайцева уже в студенческих работах, и цвет с годами нарастал, как бы втягивая в палитру все те дополнительные возможности, которые давали художникам новые технологии и материалы. Красный цвет он смело соединяет с зеленым, синим, голубым, находя оттенки, которые поддерживают и усиливают друг друга, создавая мощные цветовые звучания. Он часто использует кислотные цвета, обращая их ярмарочную крикливость в благородную карнавальную насыщенную гамму.

Орнаментальность

Модерн – один из самых орнаментальных стилей. А художники XX века часто неохотно использовали текстильный рисунок, предпочитая работать с гладкокрашеными тканями или с полосой и клеткой. Эта тенденция не характерна для В. Зайцева. Напротив, используя ткани с рисунками, окунаясь в богатство ивановских сатинов и ситцев, павловских платков, в цветное буйство узбекских вышивок, в роскошь итальянских или французских жаккардов, он постоянно использует орнамент. Гладкие ткани дополняются богатой вышивкой, аппликацией и т.д. Модели В. Зайцева нисколько не уступают модерну в количестве разнообразного, многоязычного, порой, обильного орнамента. Орнамент так же органично вплетается в композицию костюмов В. Зайцева, как естественно присутствовал он у лучших художников модерна в любом создаваемом ими арт-объекте.

Театральность и стилизация

Модерн предоставил широкое поле деятельности театральным художникам, создавшим неповторимую по своей красоте и художественной выразительности сценографию. Модерн театрален как в смысле активности сотрудничества художников с театром, так и в смысле решения образов художниками, работавшими в графике, живописи, плакате, книжной графике, прикладном искусстве. Модерн за это часто упрекали и продолжают упрекать. И В. Зайцеву также часто ставят в вину его театральность.

Да, он – театральный художник. Прежде всего потому, что много работал с костюмами в театре и кино. Но он театрален и в том смысле, который имеют в виду, говоря о театральности модерна. Его модели требуют артистизма, умения войти в образ, они слегка "картинны". В. Зайцев, как и художники модерна, не переносит обыденности. Можно это обозначить как стремление к законченности образа, можно говорить о том, что он создает не столько моду, сколько стиль, что немислимо без выхода из привычной обстановки в некое чистое вневременное и внемодное пространство. Именно этим занимались художники модерна, создававшие не столько новое искусство, сколько новый, эстетный стиль жизни.

Национальные традиции и фольклор

В книге "Поэзия народного костюма" М.Н. Мерцаловой глава о творчестве В. Зайцева названа "Из страны ивановского ситца". В 70-е годы, времени написания этой книги, тема обращения к народному творчеству была актуальной. Интерес общественности, прессы и руководства к модельерам в эти годы значительно возрос, их работу стали рассматривать не только как деятельность, сопутствующую работе предприятий легкой промышленности, но и как творчество. Появилось множество примеров успешной работы с темой народного искусства, но эти работы делались несколько сумбурно, как бы наугад. Система творческого анализа и использования фольклора еще не была отработана, она только складывалась в практике и в тео-

рии. Для поколения молодых художников эта тема практически открывалась заново, от чего она стала еще более привлекательной, и они вздохнули использовали все: костюм, архитектуру, народные промыслы. Многие работы того времени выполнялись по мотивам искусства Гжели, Хохломы, Вологды. Цитировались в costume, порой, совершенно не органичные для текстиля техники и, как правило, основное внимание уделялось орнаменту. Этот подход, к сожалению, до сих пор сохраняется в работах многих самодеятельных авторов. Тема народного искусства оказалась тестом на наличие вкуса и профессионализма. В этой связи важно, что только деятельность В. Зайцева выделена известным искусствоведом в отдельную главу книги, в которой автор "...стремился выявить в русском народном costume его скрытую поэтическую сущность, его зависимость от душевного строя русской женщины, его связь с современностью в разнообразных областях творчества молодых художников..." [3].

Интерес к народному искусству возник у В. Зайцева отдельно от декларируемой в стране программы повышения роли народного искусства в воспитании молодежи и развития многонационального народного творчества. Он появился, как верно отметила М.Н. Мерцалова, еще во времена его жизни и учебы в "стране ивановского ситца". Ивановская манера оформления текстиля с начала его зарождения до наших дней насквозь пронизана народными мотивами. Местные мастера любили мотивы – от пышного барочного до изящной розы рококо слегка изменяли в сторону "аленьких цветочков" и деревенских розочек, отвечающих пониманию красоты русских крестьянок, фабричных работниц и горничных. Стилистическая манера текстильного рисунка ивановского региона испытала много влияний других школ. Важно, что основной расцвет ивановских ситцев и сатинов приходится на время модерна. Именно за такие рисунки получали ивановские фабриканты золотые медали престижных международных выставок. Художники охотно копировали иностранные

образцы, и сами создавали рисунки с сюжетами в этом стиле. После 17-го года XX века производство тканей с текстильным рисунком резко сократилось, и ткани с рисунками появились после восстановления производства, то есть во времена конструктивизма.

Этот стиль способствовал тому, что рисунки ивановских тканей почти утратили черты местного колорита и соответствовали общепринятым европейским приемам. Качество тканей и рисунков начала XX века осталось непревзойденным во все последующие времена. В 70-х годах прошлого столетия к ним вернулись в смысле продолжения и развития традиций, в основном используя их народную составляющую. Манеру выполнения рисунков тканей с приоритетом розы и восточного огурца периода модерна стали называть ивановской традицией. Следовательно, можно говорить о том, что традиционная ивановская манера – это соединение стилистики модерна и русского фольклора.

Во время учебы на колористическом отделении Химико-технологического техникума В. Зайцев хорошо изучил и усвоил школу традиционных рисунков, копируя их и имея возможность видеть их подлинные образцы. "Ивановский" синтез модерна и фольклора не мог не сказаться на особенностях его будущих работ.

Приверженность В. Зайцева к народному искусству проходит сквозь все этапы его творчества. Он считает, что "...Впечатления, шок от увиденного были так велики, что тема традиции русского и других национальных костюмов в преломлении современности, поиски новой эстетики на базе фольклора – стали доминантами в моем творчестве на всю жизнь. Понимание величия и мощи народных и национальных традиций России и Союзных республик пришло изначально в первые годы обучения благодаря посещению музеев русского народного творчества в Москве, Подмосковье, знакомству с фондами исторического музея, копированию костюмов Рязанской, Костромской, Архангельской губерний, всех этих вышивок,

аппликаций, украшений, головных уборов, завораживающих разнообразием формы, деталей, буйством цвета, изобретательностью декора и роскошью" [4].

Стремясь сохранить традиционные русские текстильные техники, он периодически обращается к использованию в своих моделях работ мастеров народных художественных промыслов. Несколько знаковых коллекций разных лет выполнено им из платков Павлов-Посадской фабрики. Он неоднократно демонстрировал, что этот сувенирный национальный бренд, может быть хитом, уместным в практике сегодняшней моды и жизни. Зная механизм моды и чувствуя ее тенденции, В. Зайцев периодически точно, вовремя "вспоминает" в своих коллекциях то о валенках, то о русских мехах или кружевах, то о шитье золотом. Каждая выбранная им тема смотрится как открытие, точно так же, как было это в начале века, когда великие художники вспоминали о благородстве формы и цвета объектов народной материальной культуры.

Нужно отметить, что В. Зайцев хорошо знает народное искусство мира, в том числе искусство бывших Советских республик. Когда в начале XX века стало актуальным искусство Востока, он моментально "вспомнил" и заново открыл для поколений, уже мало знающих народное искусство братских республик, пылающую яркими красками вышивку Узбекистана, щедро разбросав ее огромные куски по коллекции мужских и женских моделей. Можно называть это попаданием в моду, можно – театральностью, можно – эффектной подачей их своеобразного рукотворного шика, можно – глубоким знанием и умелым использованием народных традиций. В любом случае следует отметить, что именно этот симбиоз качеств постоянно присутствует в моделях этого художника, и в последнее время становится все более выразительным. Константная система узнаваемых, характерных для авторской манеры В. Зайцева качеств, почти точно укладывается в матрицу принципов модерна.

Синтез искусств

Есть еще одна сторона творческой личности В. Зайцева, объединяющая его с художниками модерна: он постоянно расширяет свои творческие возможности, осваивая новые жанры. Практика "...синестезии (хоть этот термин и приобрел хождение в более позднее время) была широко распространена в эпоху модерна – особенно среди поэтов, музыкантов и живописцев..." [2]. Как Ван де Вельде занимался музыкой, книжным искусством, прикладным творчеством (мебель, ковры, посуда и т.д.), архитектурой, плакатом, костюмом, оформительским искусством, теорией; как Михаил Врубель, который из этого списка убрал бы стихи и музыку, но добавил бы сценографию и скульптуру, так и В. Зайцев работает в самых разных жанрах искусства. Костюм, сценография, поэзия, графика, живопись, фотографика, инсталляции, режиссура – объекты приложения его творческих усилий.

В. Зайцев является известным графиком. Его акварели и пастели – пожалуй, являются единственной областью, далеко ушедшей от типичных для модерна трактовок сюжетов и цветовых решений. У предельно конкретного модельера в станковой живописи и графике нет сюжетов, он уходит в этот жанр как в мир собственного, улетающего во времени вперед подсознания. В графике он совершенно иной, но в то же время парадоксально тождественный и верный себе. В обрывках сюжетов и оболочек, в скрученной плотности сюжетов и тел, в постоянном ощущении снятия масок и стремления остаться собой проступают боль и смятение художника, прошедшего не только все стадии познания и развития модерна, но и всю историю XX века.

Конечно, В. Зайцев не может, живя в XXI веке, остаться в стилистике модерна. Он только принял его эстетику, созвучную своему времени и своей индивидуальности. Временной промежуток в 100 лет, разумеется, вносит множественные коррективы в творчество любого автора, как бы он не был близок к какому-либо стилю. Даже если не учитывать глобальные сти-

листические изменения в искусстве, технический прогресс изменил материалы, техники и технологии, инструменты и т.д.

Изменилось все. Например, техника фотографии. В последние годы фотографика все больше интересует В. Зайцева, постепенно создающего в этой технике нечто принципиально новое. Это можно назвать инсталляцией, где на равных участвует костюм, человеческое тело, ткани и пространство. Пройдя все стадии своего творческого пути, во многом повторив модерн, В.Зайцев как бы ставит в этом стиле точку. То, что модерн не мог сделать чисто технически, в начале XXI века стало возможным. Пользуясь возможностями новой техники, создав свою эстетику мужских и женских моделей, В.Зайцев представляет в фотографике новый, рафинированный, и прошедший через все соблазны и течения XX века модерн. Нужно было пройти большой творческий путь, чтобы суметь это проанализировать, и иметь смелость все это создавать заново. Нужно было получить и проштудировать все уроки Возрождения, уроки мастерства профессии Общесоюзного дома моделей, уроки работы в театре и практику создания своего Театра моды, чтобы так убедительно войти в этот уходящий и не отпускающий нас и сегодня стиль и выстроить для него достойный, торжественный финал.

Итак, Вячеслав Зайцев – первый среди национальных модельеров – является последним рыцарем русского модерна. Художником, достойно завершившим этот стиль в его национальном выражении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мурина Е.Б.* Проблема синтеза пространственных искусств. – М.: Искусство, 1989.
2. *Сарабьянов Д.В.* Стиль модерн. – М.: Искусство, 1989.
3. *Мерцалова М.Н.* Поэзия народного костюма. – М.: Молодая гвардия, 1975.
4. *Слава Зайцев.* Тайны соблазна. – М.: Искусство – XXI век, 2006.

Рекомендована кафедрой текстильного дизайна. Поступила 01.07.09.